

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА ПЕНСИЯ И ЕГО ДЕРИВАТОВ (ПЕНСИОНЕР(КА), ПРЕДПЕНСИОНЕР, ПЕНСИОННЫЙ) В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Шоин

соискатель, Московский государственный университет
имени М. Ломоносова
shoin.van@yandex.ru

THE MEANING AND USE OF THE WORD PENSION AND ITS DERIVATIVES (PENSIONER(S), PRE-RETIREMENT, PENSION) IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Wang Shuoying

Summary: The object of the study is vocabulary with the semantics 'person's age', the subject of the study is the lexeme *pension* and its derivatives (*pensioner*, *pensionerka*, etc.), collocations with them, their functioning in modern Russian speech. The semantic structure of these words is analyzed based on the definitions of lexemes in the dictionaries of the Russian language and contexts of the National Corpus of the Russian Language (NCRL), on the etymology. Modern usages of the word *pension* and its derivatives are compared with dictionary meanings, and new shades of meaning are identified. The most frequent collocations with these words are considered and analyzed on the basis of the NCRL material. Particular attention is paid to those contexts of the corpus in which the lexemes *pensioner*, *pensionerka* indicate age.

The article presents the results of a study conducted using different methods: general scientific methods of analysis and synthesis, descriptive method, elements of component and contextual analysis, functional-semantic method, elements of corpus analysis (continuous sampling method and quantitative method when working with language material). The scientific novelty of the study lies in the identification of semantic changes in the lexeme *pension* and its derivatives in the modern Russian language. It has been established that the semantics of the analyzed lexemes is associated with old age, although in the dictionary definitions of the word *pension* and its derivatives there is no such correlation. The connotations of the word are established based on the material of modern contexts ('inactivity', 'physical weakness', 'grumpiness', 'lack of initiative', etc.). For collocations with the lexeme *pension* and its derivatives, the semantics of old age becomes the only possible one in speech. The article draws a conclusion about the semantic development of the word *pension*, which by narrowing its meaning, became part of the semantic field 'age'.

Keywords: semantic field 'age', lexeme *pension*, derivatives, semantic development, neologism, connotation, collocation.

Аннотация: Объектом исследования является лексика с семантикой 'возраст человека', предметом исследования — лексема *пенсия* и ее дериваты (*пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсионный* и др.), коллокации с ними, функционирование этих лексем и коллокаций в современной русской речи. Семантическая структура указанных слов анализируется на материале дефиниций лексем в основных толковых словарях русского языка и контекстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), рассматривается этимология слова. Современные словоупотребления слова *пенсия* и его дериватов, представляющие актуальную речевую семантику, сравниваются со словарными значениями, выявляются новые оттенки значения. Рассматриваются и анализируются на материале НКРЯ наиболее частотные коллокации с данными словами (используется основной и в отдельных случаях газетный корпус). Особое внимание уделяется тем контекстам корпуса, в которых лексемы *пенсионер*, *пенсионерка* указывают на возраст.

В статье представлены результаты исследования, проведенного с применением разных методов: общенаучных методов анализа и синтеза, описательного метода, элементов компонентного и контекстуального анализа, функционально-семантического метода, элементов корпусного анализа (метода сплошной выборки и количественного метода при работе с языковым материалом).

Научная новизна исследования состоит в выявлении семантических изменений лексемы *пенсия* и её дериватов в современном русском языке. Установлено, что в подавляющем большинстве современных контекстов семантика анализируемых лексем связывается с пожилым возрастом, хотя в словарных дефинициях слова *пенсия* и его дериватов такого соотношения нет (указывается на денежные выплаты по разным основаниям). Установлены коннотации слова на материале современных контекстов ('бездеятельность', 'физическая слабость', 'сварливость', 'безынициативность', 'малообеспеченность' и др.). Для коллокаций с лексемой *пенсия* и её дериватами семантика пожилого возраста в речи становится единственной. В статье делается вывод о семантическом развитии слова *пенсия*, которое в современном русском языке путем сужения значения вошло в состав семантического поля 'возраст'.

Ключевые слова: семантическое поле 'возраст', лексема *пенсия*, дериваты, семантическое развитие, неологизм, коннотация, коллокация.

Введение

Характеристика человека по возрасту обусловлена культурно и социально, отражает закреплённые в языке представления о возрасте и связанные с

ними стереотипные представления (коннотации) лексем семантического поля 'возраст'. В языке характеристика по возрасту отображается в определённых лексемах и коллокациях — «относительно несвободных словосочетаний, занимающих промежуточное поло-

жение между абсолютно свободными сочетаниями и идиомами» [1, с. 34]. Анализ языковых способов репрезентации возрастных характеристик даёт возможность лучше понять устойчивые представления носителей языка о том или ином возрасте — установить коннотации соответствующих лексем. Лексема *пенсия*, её дериваты (*пенсионер(ка)*, *предпенсионер*, *пенсионный*) и коллокации, в которых она выступает в качестве коллоката, связаны с представлениями носителей русского языка о старости — одним из важнейших возрастных периодов человека. Важно рассмотреть словарные дефиниции данных лексем и включающих их коллокаций, а также рассмотреть их использование в реальной речевой практике, что сделано нами на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2].

Обзор литературы

Русская лексика, обозначающая возраст человека, регулярно становится предметом исследования лингвистов. Анализируются в числе прочих слова и сочетания, связанные с семантикой пожилого возраста. Наибольшее внимание лингвистов привлекают фразеологические единицы русского языка (нередко в сопоставлении с идиомами других языков), обозначающие пожилой возраст и людей пожилого возраста [3; 4]. Воплощение образа пожилого человека в русской языковой картине мира анализирует И. В. Салимьянова [5]. Ряд исследователей, в том числе автор статьи [5], обращает внимание на эвфемизацию лексики с семантикой пожилого возраста [6; 7]. 'Старость' рассматривается как концепт, репрезентируемый в языке различными лексемами и фразеологизмами [8], в том числе и в сопоставительном плане с концептом 'молодость' [9]. Обозначение людей пожилого возраста изучается лингвистами в сопоставительном аспекте на материале разных языков [10].

Лексема *пенсия* и её дериваты только входят в круг анализируемой лингвистами лексики с семантикой пожилого возраста. Л. О. Бутакова описывает ассоциативный эксперимент, в результате которого выявлено, что лексемы *пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсия* воспринимаются носителями русского языка очень стереотипно, а уровень позитивного эмоционально-чувственного переживания данных слов-стимулов является средним [11, с. 143]. Рассматриваемые слова, не обозначая прямо пожилой возраст и людей такого возраста, в современной речи часто используются с данной семантикой, что обуславливает исследовательский интерес к ним.

Цель статьи — выявить особенности значения и функционирования в современном русском языке лексемы *пенсия*, её дериватов и коллокаций, в которые они включены. Материалом для исследования значения и речевого употребления слова *пенсия* и дериватов стали основные толковые словари русского языка и основной

корпус (в единичных случаях газетный корпус) НКРЯ. Все примеры использования анализируемой лексики, приведённые далее, взяты из НКРЯ [2].

Основные результаты

В «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах (далее — БАС) значение слова *пенсия* толкуется как «периодическая (обычно ежемесячная) денежная выплата, имеющая целью материальное обеспечение граждан при утрате ими работоспособности, при потере кормильца и пр.» [12, стб. 380]. Данная дефиниция не указывает прямо на то, что чаще всего пенсия назначается по возрасту (по старости). В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (далее — МАС) такое указание присутствует как одно из оснований для выплаты; здесь *пенсия* — 'денежное обеспечение, получаемое гражданами из общественных фондов потребления в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности' [13, с. 40]. В данном словаре имеется отсутствующее в дефиниции указанного выше словаря [12] уточнение по поводу такого источника денежной выплаты, как общественные фонды потребления. Аналогичная дефиниция слова *пенсия* приведена в «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова [14, с. 791]. В дефиниции из «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой источник пенсионной выплаты не указан, зато здесь более чётко и полно сформулированы её основания: 'денежное обеспечение за выслугу лет, по инвалидности, нетрудоспособности, в случае потери кормильца' [15, с. 498]. В словаре С.И. Ожегова зафиксировано также второе значение слова *пенсия*, появившееся в результате метонимического переноса: «деньги, получаемые в качестве такого обеспечения» [Там же].

Слово *пенсионер* в БАСе имеет объяснение 'человек, получающий пенсию' [12, стб. 379], *пенсионерка* — 'женский к пенсионер' [там же], *пенсионерский* — 'относящийся к пенсионеру, пенсионерам' [там же], *пенсионный* — 'относящийся к пенсии' [Там же]. В МАСе дериваты лексемы *пенсия* имеют схожие или одинаковые пояснения: *пенсионер* — 'тот, кто получает пенсию' [13, с. 40], *пенсионерка* — 'женский к пенсионер' [там же], *пенсионерский* — 'прилагательное к пенсионер' [там же], *пенсионный* — 'прилагательное к пенсия, связанный с пенсией' [там же].

Основным семантическим признаком слова *пенсия* и его дериватов, в соответствии со словарными дефинициями, является наличие какой-то выплаты социального плана. Семантика выплаты восходит к этимологии слова *пенсия*: по данным словаря М. Фасмера, в русский язык оно пришло из польского языка (*pensja*) или из немецкого (*Pension*), где было образовано от латинского *pen-sio* — 'платеж', происходящего от глагола *pendo, pensum, pendere* с семантикой 'ценить, оценивать' [16, с. 232]. Осо-

бенностью данной выплаты является то, что она является не вознаграждением за труд, а предназначена для социальной поддержки граждан, которые не способны самостоятельно заработать на жизнь, обеспечить своё существование.

Дефиниции толковых словарей представляют основные языковые значения слова *пенсия* и его дериватов, однако функционирование этих слов в речи показывает их семантическое развитие. Согласно материалу НКРЯ, слово *пенсия* употребляется в речи практически исключительно в значении 'пенсия по старости'. Лексема *пенсия* обозначает какой-то другой вид пенсии только примерно в 6 % встречающихся в НКРЯ примеров, причём в этом случае обязательно контекстуальное указание на вид пенсии с помощью соответствующего распространителя. Например: «... Оказалось, что после смерти отца дочке назначили **пенсию по потере кормильца**» [2, 2018]. Если же речь идёт о пенсии по старости, то уточнение её оснований и формирования соответствующего сочетания не требуется: «Девочек перевели в другие цеха, кто-то уволился, **ушел на пенсию**, а я все равно приходила в наше здание» [2, 2016]. По нашему мнению, функционирование слова *пенсия* в современной русской речи даёт основания говорить о сужении лексического значения слова и о появлении у него ещё одного лексико-семантического варианта. Лексемы *пенсионер* и *пенсионерка* используются для обозначения людей, получающих пенсию по старости, ещё чаще, практически в 100 % контекстов. *Пенсионерами* не называют тех, кто получает пенсию по потере кормильца, по инвалидности, не достигнув пожилого возраста.

Исходя из контекстов употребления слова *пенсия* и его дериватов (*пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсионный*) можно выявить стереотипные представления, в том числе оценочные, о пенсионерах, — коннотации лексемы *пенсия* и её дериватов.

Так как в подавляющем числе контекстов говорится о пенсионерах по старости, то основным признаком пенсионера, согласно контекстам НКРЯ, — это его пожилой возраст. Можно считать, что это не прагматическая, а семантическая характеристика, компонент нового ЛСВ слова. В НКРЯ представлены примеры с синонимией слова *пенсионер* и слов со значением 'старый': «Он **старый, пенсионер**, и помощи от властей ждать ему не пришлось» [2, 2015]. Впрочем, эксплицитное указание на пожилой возраст встречается редко, так как данный признак входит в значение слова и отдельное упоминание о нём избыточно. В приведённом примере слово *старый* служит для усиления «возрастной» семантики лексемы *пенсионер*, а комбинация данных слов призвана мотивировать коннотативный признак 'ненужности' пенсионера, который не ждёт *помощи от властей*.

По контекстам НКРЯ выявляется ещё одна стереотипная характеристика пенсионера — коннотация 'бездеятельность, отсутствие регулярных занятий'. Это проявляется, к примеру, когда лексема *пенсионер* выступает в составе сравнительной конструкции, обозначая объект сравнения (некто сопоставляется с пенсионером по признаку пассивности): Днём Крылов, **будто пенсионер**, сидел, запахнувшись в утепленный плащ, на влажной дворовой скамейке и смотрел на мокрые нахмуренные астры...» [2, 2017]. Как отмечает М.Н. Крылова, грамматический арсенал современных сравнительных конструкций небогат (чаще всего, как и в примере выше, говорящими используются сравнительные обороты), а вот к образам сравнения носителями языка предъявляются высокие требования с точки зрения их смысловой наполненности, ёмкости, оценочности [17, с. 36]. Лексема *пенсионер* становится ярким образом для характеристики человека, который ничем не занят, скучает, отдыхает, много спит. Аналогично используется и слово *пенсионерка*: «А я ему верю, да проспала из-за него, **как пенсионерка**. Стыд, страшно подумать» [2, 2022].

Следствием сочетания семантики пожилого возраста и бездеятельности может стать понимание пенсионера как ненужного, лишнего, бесполезного человека. Например: «Вот мне, предпринимателю, зачем **пенсионерка**? Я ее не приглашал» [2, 2014]. Пенсионер стереотипно изображается как человек, вышедший из активного состава общества, даже ставший обузой. При этом такая оценка пенсионного возраста и людей в этом возрасте осознаётся говорящими как негуманная, неправильная, недопустимая. Высказывания, касающиеся этой этической проблемы, регулярно появляются в медиапространстве. Например: «Одной из главных задач современного общества, по мнению участников конференции, является **разрушение стереотипа**, в соответствии с которым старение — это проблема, **пенсионный возраст — это период дожития, а пожилой человек — обуза для молодых и трудоспособных**» [2, 2015]. Стереотип, о разрушении которого идёт речь, тем не менее остаётся достаточно устойчивым, о чём свидетельствуют контексты НКРЯ.

Описания деятельных, живых, бойких, активных пенсионеров встречаются в контекстах НКРЯ гораздо реже, чем описания бездеятельных, безынициативных, немощных, и, возможно, именно поэтому привлекают внимание. Стереотипы, характеризующие пенсионера как человека пожилого, старого, слабого, разрушаются упоминанием деталей, которые ассоциируются с молодыми, бодрыми, полными сил людьми: «Тот самый Виктор Дмитриевич, вызывающий опасения **пенсионер, пружинист**о взбегаёт на школьное крыльцо, на плече у него — **велосипед**, на лице — **улыбка**» [2, 2013]. В приведённом примере признаки, которые декларируются как не свойственные пенсионеру и поэтому удивляющие, —

это пружинистая походка, езда на велосипеде, улыбка как признак хорошего настроения и доброжелательности. Создаётся позитивный образ, для которого характеристика *пенсионер* воспринимается как случайная, не главная.

Контексты, в которых пенсионеры предстают активными и счастливыми людьми, действительно, редки. Чаще они описываются как люди несчастные, не живущие полной жизнью, доживающие свои дни в заботах и безденежье: «...Бабушка Вера, простая, **затюканная бытовухой пенсионерка**» [2, 2013].

К стереотипным признакам пенсионеров, которые частотно проявляются в контекстах НКРЯ, относятся и физические характеристики, например внешняя непривлекательность: «Случайные подружки становились **всё менее презентабельными**. Так подкатил **пенсионный возраст**» [2, 2015] и физическая слабость, немощь («Если постоялец (годы и болезни делают свое) становится немощным, его переводят в дом-интернат, что в поселке Горького (как вариант — на Красной Речке), где **пенсionеру** будет обеспечен надлежащий уход» [2, 2004].

В анализируемых контекстах пенсионеры и пенсионерки нередко оцениваются как наделённые качествами, свойственными, согласно стереотипам, пожилым людям, — вредностью, назойливостью, ворчливостью, болтливостью, стремлением наущничать, жаловаться и т. п. Например, в художественном тексте типичное описание пенсионера может создаваться с помощью негативно оценочной лексики, например: «Он носил свой необъятный живот и бубнил, что персональный **пенсionер**. Сражался с мелюзгой, отбирал рогатки и мячики, чтобы не били окна. <...> беспрерывно строчил доносы и жалобы» [2, 2013]; «**Пенсионерка, заняться нечем, вот и доколулалась до Санька**» [2, 2014]. Одним из устойчивых эпитетов, к слову, *пенсionер* становится прилагательное **вредный**: «**Вредный пенсионер**, вчитавшись в ее бейджик, вообще с горечью сказал про понаехавших и что скоро русских вообще не будет» [2, 2016].

Невысоко, как правило, оцениваются и когнитивные способности, здравомыслие пенсионеров. В частности, в СМИ нередко упоминаются глупые, непродуманные поступки, совершаемые пенсионерами и подаваемые с иронией, сарказмом. Например: «320 кг гречки для личного пользования купила **пенсионерка** из Балахнинского района Нижегородской области. Запасливая женщина истратила на крупы четыре свои пенсии...» [2, 2015].

В описаниях пенсионеров в художественных текстах, как правило, сочетается несколько наиболее типических признаков, с помощью которых характеризуются люди пожилого возраста. К примеру, это могут быть физическая немощь и безынициативность (действие по привычке,

на основании сформированного ранее опыта): «Борьба с ним, а вернее трусливое и заранее обречённое на безуспешность бегство от него (так старается догнать уже закрывающий двери автобус **пенсионер с палочкой в дрожащей руке, просто по привычке зная, что отъезжающие автобусы надлежит догонять**)...» [2, 2013]. В данном примере снова видим сравнение, точнее — сопоставление (на этот раз в форме вставной конструкции с указательным словом *так*), объектом сопоставления является пенсионер, его качества и действия. Апелляция к подобному стереотипному образу позволяет говорящему создать яркую и понятную адресатам именно за счет своей максимальной стереотипности картину.

Ещё одна коннотация лексемы *пенсионер(ка)*, проявляемая в рассматриваемых контекстах, — понимание пенсионера как обычного, ординарного человека, не наделённого какими-то особыми способностями, такого же, «как все». Определение *обычный* является достаточно распространенным атрибутом рассматриваемых лексем. Средний, обычный пенсионер в представлениях носителей языка — благопристойный приличный человек, который образцово себя ведёт, неприметен внешне, не отличается эксцентричностью. Например: «Вера огляделась, перед ее взглядом предстали мужчины всех сортов: взрывной тихоня и флегматичный баламут, **благообразный пенсионер**, эксцентрик со стрижкой и тихий, неприметный псих» [2, 2015]. «Обычный пенсионер» ведёт себя скромно, нередко выглядит испуганным, не чувствует себя хозяином жизни, ощущает, что с выходом на пенсию занял непривилегированное положение в обществе, утратил статус его сильного, полноправного члена, обеспечивавшийся ранее общественно полезным трудом. Например: «Виктор Бабкин, высокий худощавый **пенсионер** с лицом унылым и пуганым» [2, 2014]. Нередко упоминание об «обычности» пенсионера звучит иронично и подразумевает, что ощущение ординарности только мнимое, а на самом деле человек не такой уж обычный, просто его неординарность скрыта за маской «обычного пенсионера». Например: «Сейчас вроде бы **обычный пенсионер-мухомор**, но, если присмотреться — ан нет, **не обычный!**» [2, 2011], «Сегодня я **обычный пенсионер**, подрабатывающий инвестконсультациями в разных регионах страны» [2, 2017].

Анализируя оценочный план контекстов НКРЯ, нельзя не отметить, что в речевом употреблении регулярно звучит мысль о недостаточном размере пенсии применительно, как правило, к пенсии по возрасту. Например: «У меня такая **пенсия, все не по карману**, — хмуро ответила дама, глядя в сторону» [2, 2019]. Можно сказать, что в прагматике слова *пенсия* на современном этапе его функционирования в языке наиболее сильной является коннотация 'маленькая, незначительная', в связи с чем в речи нередко сочетания *маленькая пенсия*, *грошовая пенсия*, *копеечная пенсия*, *смешная пенсия* и т. п. Напри-

мер: «Никто не сообщил, к примеру, матери, что ее **грозовая пенсия**, на которую можно протянуть, только покупая “благотворительные” продукты в серых присохших упаковках, всего лишь условность, правило игры» [2, 2017].

Тема недостаточной пенсионной выплаты по возрасту влияет на восприятие образа пожилого человека, пенсионера в современной русской картине мира. Пенсионер выступает как необеспеченный человек, живущий скромно, часто испытывающий лишения, но при этом полный достоинства, не ругающий жизнь. Например: «У меня **пенсия** 7 тысяч, — признается Дон Кихот. — И инструкции, как на это можно прожить, не выдают» [2, 2016]. С другой стороны, пенсия может оцениваться как стабильный доход, и пенсионер, как человек пусть и с небольшими, но постоянными средствами, может даже быть единственным (или основным) кормильцем для семьи. Например: «Теперь надо внука поднимать, а я — главный кормилец: у меня **пенсия** 12 200 плюс зарплата» [2, 2016].

Особое место среди дериватов слова *пенсия* занимает лексема *предпенсионер*, образованная префиксальным способом от слова *пенсионер*. Она является неологизмом с терминологическим значением, в толковых словарях не зафиксирована, свойственна официально-деловому стилю. Объяснение семантики слова *предпенсионер* находим в НКРЯ: «Также законодательно появилось понятие “**предпенсионер**”. Это люди, которым до пенсии остается пять лет» [2, 2019]. В основном корпусе контексты с данным словом отсутствуют, что объясняется задержкой с вводом контекстов, а в газетном корпусе нами обнаружено 363 примера, из которых 11 — в форме единственного числа. Все контексты относятся к официально-деловому стилю, представлены в документах и новостных сообщениях официального характера: «В Москве упростили порядок получения статуса **предпенсионера**» [2, 2021]. Количество и характер контекстов указывает на то, что лексема *предпенсионер* ещё не вошла в широкое употребление. В официальных сообщениях декларируется необходимость оказывать помощь предпенсионерам со стороны государства, звучит мысль об их социальной незащищённости в связи с немолодым возрастом и скорым выходом на пенсию. Например: «, По его словам, безработные **предпенсионеры** находятся в уязвимом социальном положении и нуждаются в соответствующей правовой помощи» [2, 2019].

Состав дериватов слова *пенсия* пополняется не только за счёт единиц официально-делового стиля. В последнее время в русском языке достаточно активно функционирует лексема *пенс* в значении ‘пенсионер’, образованная от производящей основы *пенсионер* усечением. Эта лексема имеет просторечную стилистическую окраску и обычно используется как насмешливое или

даже обидное наименование. По нашим наблюдениям, лексема *пенс* применяется говорящими активно, но сферой её функционирования является непосредственная разговорная речь, поэтому в НКРЯ она встречается не очень часто. С помощью слова *пенс* называют пожилого человека, который чем-то неприятен, вызывает у говорящего негативные чувства. Например: «А то такую милашку быстро какой-нибудь **пенс** из Германии заберет» [2, 2013], «Там атакуют Трампа, чтобы после импичмента президентом стал удобный **пенс**» [2, 2019]. В форме множественного числа лексема *пенсы* обозначает пожилых людей как совокупность: «Подходит дама средних лет и просит написать про другую катастрофу — местного депутата, он же сосед, который исправно носит скамейку у подъезда, чтобы **пенсы** не галдели под окном, не мешали его послеполуденному отдыху» [2, 2012]. Лексема *пенс* семантически связана только со словом *пенсионер* в значении ‘лицо, получающее пенсию по возрасту’, то есть во вновь образуемых дериватах лексемы *пенсия* значение возраста становится единственным.

Основные коллокации, в состав которых входят слова *пенсия* и дериваты: *будущий пенсионер*, *почётный пенсионер*, *персональная пенсия*, *персональный пенсионер*, *пенсионный возраст*, *пенсионная реформа*, *пенсионный фонд*, *пенсия по старости*, *пенсия по возрасту* и др. Все они связаны с указанием на пожилой возраст и относятся к каким-то вопросам, касающимся пенсии по старости (= по возрасту). Если употребление слов *пенсия* и дериватов как самостоятельных номинативных единиц ещё подразумевает их, пусть и нечастое, использование в других значениях, не связанных с возрастом, то в качестве коллокатов они имеют исключительно «возрастную» семантику, обозначая пенсию для пожилых людей и связанные с нею явления. Для подавляющего большинства контекстов, в которых используются данные сочетания, свойственна официально-деловая окраска, то есть сочетания функционируют как термины или близкие к ним единицы.

Сочетание *будущий пенсионер* используется чаще всего в контекстах, содержащих объяснения действий, которые необходимо совершить человеку, приближающемуся к пенсии по возрасту. Как правило, примеры касаются каких-то вопросов начисления пенсии и носят официально-деловой характер. Например: «Эту пятую часть **будущий пенсионер** сможет либо оставить в государственных руках, либо отдать в частные» [2, 2003]. Экспрессию и оценку, связанные с неизбежностью пенсии, а значит — старости, данная коллокация передаёт очень редко и только в художественном дискурсе: «А ты не думал, что и ты — **будущий пенсионер**? — не выдержал Кривцов» [2, 1982].

Коллокации *почётный пенсионер*, *персональный пенсионер* и *персональная пенсия* используются в офи-

циальной речи и, как правило, имеют положительные коннотации. В сознании носителей языка закрепилось представление, в соответствии с которым почётными пенсионерами и обладателями персональной (более высокой) пенсии становятся наиболее уважаемые люди, сделавшие много для своего государства. В связи с этим коллокация *почётный пенсионер* часто используется в ряду однородных членов, также указывающих на высокие заслуги пожилого человека: «К сему руку приложил Андрей Каргин, **заслуженный работник образования, почётный пенсионер, ветеран труда**» [2, 2015]; «Первым был седой стройный старик — **ветеран двух войн, стахановец и персональный пенсионер**» [2, 2001]. Об обладании человеком персональной пенсией обычно говорится как о его неоспоримом достоинстве: «Труд Александра Ивановича был отмечен правительственными наградами и медалями ВДНХ; ему не по должности, а за личные заслуги была установлена **персональная пенсия**» [2, 2004].

Преобладание подобных контекстов не исключает ироничных и даже негативных употреблений. В переносном ироническом употреблении номинация *почётный пенсионер* сохраняет компоненты 'старость' и 'заслуги' (в данном примере — исправная служба): «А унитаз этот — уже **почётный пенсионер**» [2, 2010]. Контексты с негативными характеристиками обладателей звания *персональный пенсионер* встречаются в основном в художественной литературе для указания, очевидно, на некоторое высокомерие персонажа, и совмещаются с указаниями на стереотипные признаки старости: брюзгливость, сварливость: «В соседнем доме тяжёлый отёкший старик был ещё одним получателем пенсии на дому. Жена вывезла его в коляске в высокую сталинскую комнату будто в царские палаты. **Персональный пенсионер. Неповоротливый, медлительный, как водолаз**» [2, 2016], «Он носил свой необъятный живот и бубнил, что **персональный пенсионер**» [2, 2013]. Иногда сложно понять, что провоцирует негативизм говорящего в адрес человека, квалифицируемого как *персональный пенсионер*. Вероятно, его в его основе лежит противопоставление *обычным пенсионерам* (составляющим подавляющее большинство). Человек, получающий повышенную пенсионную выплату, у некоторых *обычных* пенсионеров вызывает подсознательное недовольство, ведь для наблюдателя со стороны обычно неизвестно, за какие заслуги она получена.

В современном русском языке функционируют два сочетания, являющиеся синонимичными, — *пенсия по старости* и *пенсия по возрасту*. Оба они являются официальными, первый встречается в Законе о трудовых пенсиях, второе — в Трудовом кодексе Российской Федерации. В официальных документах чаще используется сочетание *пенсия по старости*, так как они апеллируют главным образом к Закону о трудовых пенсиях, что от-

ражается и в частоте использования данных сочетаний в НКРЯ: «**Пенсия по старости назначается при наличии не менее пяти лет страхового стажа, если гражданин трудился не во вредных условиях труда и не претендует на льготную пенсию**» [2, 2003]. Можно отметить нежелание носителей языка использовать выражение *пенсия по старости* в разговорной речи. Естественно, это психологически неприятно, поскольку в этом случае имеется в виду, что человек, выйдя на пенсию, сразу становится старым. Нежелание (сознательное или подсознательное) мириться с резким возрастным переходом обуславливает применение в устной речи обычных граждан выражения *пенсия по возрасту*. Например, видим его в зафиксированных в СМИ вопросах, которые граждане задают юристам и другим специалистам: «Какой трудовой стаж работы нужно иметь, чтобы беспрепятственно оформить **пенсию по возрасту**?» [2, 2003]; «Увеличится ли размер моей пенсии, если по достижении 55 лет я перейду с пенсии по инвалидности на **пенсию по возрасту**?» [2, 2002].

О прочном закреплении рассматриваемых сочетаний в современном русском языке говорит то, что они получают возможность использоваться в речи как метафоры. Например: «Вероника окончила школу в тот самый год, когда росчерк пера оставил от государства, вступившего в **пенсионный возраст**, воспоминание, для кого-то приятное, для кого-то не очень» [2, 2010]. В данном случае свойство старости становится характеристикой не человека, а государства, а сочетание *пенсионный возраст* служит для передачи этой переносной семантики. Ещё один пример: «Фактически остается главный материальный актив — **недвижимость, своего рода пенсионный фонд** наших сограждан (именно в нее сейчас и пытаются вложить деньги состоятельные россияне)» [2, 2014] — термином *пенсионный фонд* называют приобретаемую недвижимость, подразумевая, что люди, выйдя на пенсию, будут жить на доходы от сдачи её в аренду.

Заключение

Лексема *пенсия* и её дериваты относятся к активной лексике современного русского языка, часто используются говорящими, встречаются в различных стилях, разновидностях и жанрах русской речи. В толковых словарях значение слова *пенсия* не предполагает обязательной связи с семантикой пожилого возраста. Однако в подавляющем большинстве контекстов НКРЯ слово *пенсия* и его дериваты используются для обозначения явлений и объектов, связанных с пожилыми людьми, получающими пенсию по старости. Можно говорить о сужении значения рассматриваемых лексем и образованиях у них нового ЛСВ, входящего в семантическое поле 'возраст'. Контексты НКРЯ с анализируемыми лексемами показывают стереотипные представления, связываемые

с лексемами, *пенсия* и *пенсия* и согласующиеся с прагматическими компонентами, которые описаны для лексики со значением 'старость': 'бездельность', 'бесполезность', 'внешняя непривлекательность и неприметность', 'физическая немощь', 'ворчливость', 'сварливость', 'низкие когнитивные способности', 'безынициативность', 'малообеспеченность'. Контексты, в которых происходит отход от данных стереотипов, становятся оригинальными, привлекающими внимание; пенсионеры, ведущие себя нестереотипно, как люди более молодого возраста, обычно оцениваются положительно.

Если лексемы *пенсия*, *пенсионер* являются коллоката-

ми и входят в состав сочетаний разной степени устойчивости (*пенсионный возраст*, *будущий пенсионер* и др.), то признак пожилого возраста в их семантической структуре становится не просто преобладающим, а единственным; они используются только для наименования пенсии по старости, людей, эту пенсию получающих, предметов и явлений, с нею связанных. Большая часть коллокаций с лексемой *пенсия* и дериватами используются в официально-деловом стиле, где их окраска чаще всего нейтральная, официальная, торжественная (*будущий пенсионер*, *персональная пенсия*). В художественном стиле и в разговорной речи ряду сочетаний свойственно ироничное, насмешливое употребление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крышталева В.Е. К вопросу об определении понятия «коллокация» в отечественной и западной лингвистических традициях // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 9. С. 34–41.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.01.2024).
3. Диас Е., Арсентьева Е.Ф. Фразеологические единицы, обозначающие старый возраст человека, в английском и русском языках // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 57–63.
4. Листраткина К.А. Репрезентация концепта «старость» в паремиологическом фонде русского языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 12. С. 111–113.
5. Салимьянова И.В. Оценка пожилого человека в русской языковой картине мира // Вестник Поморского университета. 2011. № 7. С. 199–202.
6. Ван Шоин. Эвфемистические обозначения представителей старшей возрастной социальной группы в современном публицистическом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 356–358.
7. Лаптев И.В. Эвфемизмы тематической группы «старение» в языке рекламы // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 46–49.
8. Бирюкова В.П. Этнокультурная специфика концепта «старость» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 3. С. 41–47. DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.03. P.041.
9. Рудакова О.И. Ступени деривации центральных лексем концептов «молодость» и «старость» // Вопросы филологических наук. 2006. № 5. С. 100–102.
10. Янь Ч. Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 343–346.
11. Бутакова Л.О. Возрастная лексика как объект рецепции (на примере стимулов «пенсионер», «пенсионерка», «пенсия») // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сборник статей международной научно-практической конференции. Омск: Омский гос. ун-т, 2019. С. 143–149.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 9. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 1482 стб.
13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1987. 752 с.
14. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
17. Крылова М.Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 22–2. С. 34–41.

© Ван Шоин (shoin.van@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»